

Я 444
174
Исторія государства Россійскаго.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ
И
ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

ОТДѢЛЕНІЕ ТИПОГРАФІИ Т-ва И. Д. СЫТИНА, ПЕТРОВКА, Д. 21.

МОСКВА.—1902.

Дозволено цензурою. Москва, 30 января 1902 года.

2004127628

Великій князь Ярополкъ.

По смерти Святослава въ 972 г., Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ, Олегъ—въ Древлянской землѣ, Владимиръ—въ Новѣгородѣ. Единодержавіе пресѣлось въ государствѣ, ибо Ярополкъ не имѣлъ, кажется, власти надъ удѣлами своихъ братьевъ. Скоро отерлись пагубныя слѣдствія такого раздѣла, и братъ возсталъ на брата.

Винникомъ сей вражды былъ славный воєвода Свѣнелдъ, знаменитый сподвижникъ Игоревъ и Святославовъ. Онъ ненавидѣлъ Олега, который умертвилъ сына его, именемъ Люта, встрѣтись съ нимъ на козлѣ въ своемъ владѣніи: причина достаточная, по тогдашнимъ грубымъ правамъ, для поединка или самаго злодѣйскаго убійства. Свѣнелдъ, желая отомстить ему, убѣдилъ Ярополка идти войною на древлянскаго князя и соединить область его съ кіевскою.

Олегъ, узнавъ о намѣреніи своего брата, также собралъ войско и вышелъ къ нему навстрѣчу; но, побѣжденный Ярополкомъ, долженъ былъ спастись бѣгствомъ въ древлянскій городъ Овручъ: воины его, гонимые непріятелемъ, тѣснились на мосту у городскихъ воротъ и столкнули своего князя въ глубокій ровъ. Ярополкъ вступилъ въ городъ и хотѣлъ видѣть брата: сей несчастный былъ раздавленъ множествомъ людей и лошадьми,

которые упали за нимъ съ мосту. Побѣдитель, видя бездушный, окровавленный трупъ Олеговъ, лежащій на коврѣ предъ его глазами, забылъ свое торжество, слезами изъясилъ раскаяніе и, съ горестію указывая на мертвого, сказалъ Свѣнелду: „Того ли хотѣлось тебѣ?..“ Могила Олега въ Несторово время была видима близъ Овруча, гдѣ и нынѣ показываютъ оную любопытнымъ путешественникамъ. Поле служило тогда кладбищемъ и для самыхъ князей владѣтельныхъ, а высокій бугоръ надъ могилою единственнымъ мавзолеемъ.

Искренняя печаль Ярополка о смерти Олеговой была предчувствіемъ собственной его судьбы несчастной. Владимиръ, князь новгородскій, свѣдавъ о кончинѣ брата и завоеваніи Древлянскѣй области, устранился Ярополкова властолюбія и бѣжалъ за море къ варягамъ. Ярополкъ воспользовался симъ случаемъ: отправилъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ, или посадниковъ, и такимъ образомъ сдѣлался государемъ единодержавнымъ въ Россіи.

Но Владимиръ искалъ, между тѣмъ, способа возвратиться съ могуществомъ и славою. Два года пробылъ онъ въ древнемъ отечествѣ своихъ предковъ, въ землѣ Варяжской; участвовалъ, можетъ-быть, въ смѣлыхъ предпріятіяхъ норманновъ, которыхъ флаги развѣвались на всѣхъ моряхъ европейскѣхъ и храбрость ужасала всѣ страны отъ Германіи до Италіи; наконецъ, собралъ многихъ варяговъ подъ свои знамена; прибылъ съ сею надежною дружиною въ Новгородъ, смѣнилъ посадниковъ Ярополковыхъ и сказалъ имъ съ гордостію: „Идите къ брату моему: да знаетъ онъ, что я противъ него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!“

Въ области Полоцкой, въ землѣ кривичей, господствовалъ тогда варягъ Рогволодъ, который пришелъ изъ моря, вѣроятно, для того, чтобы служить великому

князю россійскому и получить отъ него въ удѣлъ сію область. Онъ имѣлъ прелестную дочь Рогнѣду, сговоренную за Ярополка. Владимиръ, готовясь отнять державу у брата, хотѣлъ лишить его и невѣсты и чрезъ пословъ требовалъ ея руки; но Рогнѣда, вѣрная Ярополку, отвѣтствовала, что не можетъ соединиться бракомъ съ сыномъ рабы: ибо мать Владимірова была ключницею при Ольгѣ. Раздраженный Владимиръ взялъ Полоцкъ, умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его и женился на дочери. Совершивъ сію ужасную месть, онъ пошелъ къ Кіеву. Войско его состояло изъ дружины варяжской, славянъ новгородскихъ, чуди и кривичей; сіи три народа сѣверо-западной Россіи уже повиновались ему, какъ ихъ государю. Ярополкъ не дерзнулъ на битву и затворился въ городѣ. Окруживъ станъ свой окопами, Владимиръ хотѣлъ взять Кіевъ не храбрымъ приступомъ, но злодѣйскимъ коварствомъ. Зная великую довѣренность Ярополкову къ одному воеводѣ, именемъ Блуду, онъ вошелъ съ нимъ въ тайные переговоры. „Желаю твоей помощи,—велѣлъ сказать ему Владимиръ:—ты будешь мнѣ вторымъ отцомъ, когда не станетъ Ярополка. Онъ самъ началъ братоубійства: я вооружился для спасенія жизни своей“. Гнусный любимецъ не усомнился предать государя и благодѣтеля; совѣтовалъ Владимиру обступитъ городъ, а Ярополку удалиться отъ битвы. Страшася вѣрности добрыхъ кіевлянъ, онъ увѣрилъ князя, будто они хотятъ измѣнить ему и тайно зовутъ Владимира. Слабый Ярополкъ, думая спастись отъ мнимаго заговора, ушелъ въ Родню: сей городъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Росъ впадаетъ въ Днѣпръ. Кіевляне, оставленные государемъ, должны были покориться Владимиру, который спѣшилъ осадить брата въ послѣднемъ его убѣжищѣ. Ярополкъ съ ужасомъ видѣлъ многочисленныхъ враговъ за стѣнами, а въ крѣпости—

неспособность воинов своих от голода, коего память долго хранилась въ древней пословицѣ: „бѣда аки въ Роднѣ“. Измѣнникъ Блудъ склонялъ сего князя къ миру, представляя невозможность отразить непріятеля, и геретинскій Ярополкъ отвѣтствовалъ наконецъ: „Да будетъ по твоему совѣту! Возьму, что уступить мнѣ братъ“. Тогда злодѣй увѣдомилъ Владимира, что желаніе его исполнится и что Ярополкъ отдается ему въ руки. Если во все времена варварскія и просвѣщенныя государя бывали жертвою измѣнниковъ, то во все времена имѣли они и вѣрныхъ, добрыхъ слугъ, усердныхъ къ нимъ въ самой крайности бѣдствія. Изъ числа сихъ былъ у Ярополка нѣкто презваніемъ Варяжко (да сохранить исторія память его!), который говорилъ ему: „Не ходи, государь, къ брату; ты погибнешь. Оставь Россію на время и собери войско въ землѣ печенѣговъ“. Но Ярополкъ слушалъ только изверга Блуда и съ нимъ отправился въ Кіевъ, гдѣ Владимиръ ожидалъ его въ теремномъ дворцѣ Святослава. Предатель ввелъ легковѣрнаго государя своего въ жилище брата, какъ въ вертепъ разбойниковъ, и заперъ дверь, чтобы дружина княжеская не могла войти за нимъ; тамъ два наемника, племена варяжскаго, пронзили мечами грудь Ярополкову... Вѣрный слуга, который предсказалъ гибель сему несчастному, ушелъ къ печенѣгамъ, и Владимиръ едва могъ возвратитъ его въ отечество, давъ клятву не мстить ему за любовь къ Ярополку.

Такимъ образомъ старшій сынъ знаменитаго Святослава, бывъ 4 года кіевскимъ владѣтелемъ и 3 года главою всей Россіи, оставилъ для исторіи одну память добродушнаго, но слабаго чловѣка. Слезы его о смерти Олеговой свидѣтельствуютъ, что онъ не хотѣлъ братоубійства, и желаніе снова присоединитъ къ Кіеву область Древлянскую казалось согласнымъ съ государственною

пользою. Самая довѣренность Ярополкова къ чести Владимировой изъясняетъ доброе, всегда неподозрительное сердце; но государь, который дѣйствуетъ единственно по внушенію любимцевъ, не умѣя ни защитить своего трона ни умереть героемъ, достоинъ сожалѣнія, а не власти.

Ярополкъ оставилъ беременную супругу, прекрасную монахиню греческую, ильминну Святославову. Онъ былъ женатъ еще при отцѣ своемъ, но сватался за Рогнеду; слѣдственно, многоженство и прежде Владимира не считалось беззаконіемъ въ Россіи языческой.

Великій князь Владимиръ, названный въ крещеніи Василіємъ.

Владимиръ, съ помощію злодѣянъ и храбрыхъ варяговъ, овладѣлъ государствомъ; но скоро доказалъ, что онъ родился быть государемъ великимъ.

Сии гордые варяги считали себя завоевателями Кіева и требовали въ дань съ каждаго жителя по двѣ гривны; Владимиръ не хотѣлъ вдругъ отказать имъ, а манилъ ихъ обѣщаніями до самаго того времени, когда они, по взятымъ съ его стороны мѣрамъ, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидѣли обманъ; но, видя также, что войско руссійское въ Кіевѣ было ихъ сильнѣе, не дерзнули взбунтоваться и смиренно просились въ Грецію. Владимиръ съ радостію отпустилъ сихъ опасныхъ людей, удержалъ въ Россіи достойнѣйшихъ изъ нихъ и роздалъ имъ многіе города въ управленіе. Между тѣмъ послы его предупредили императора, чтобы онъ не оставлялъ мятежныхъ варяговъ въ столицѣ, но разослалъ по городамъ и ни въ какомъ случаѣ не позволялъ бы имъ возвратиться въ Россію, сильную собственнымъ войскомъ.

Владимиръ, утвердивъ власть свою, изъяснилъ отчужденное усердіе къ богамъ языческимъ: соорудилъ новый

истуканъ Перуна съ серебряною головою и поставилъ его близъ теремнаго двора, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами. Тамъ,—говорятъ лѣтописецъ,—стекался народъ ослѣпленный и земля осквернялась кровію жертвъ. Можетъ-быть, совѣсть безпокоила Владимира; можетъ-быть, хотѣлъ онъ сею кровію примириться съ богами, раздраженными его братоубійствомъ, ибо и самая вѣра язычества не терпѣла такихъ злодѣяній... Добрыня, посланный отъ своего племянника управлять Новым-городомъ, также поставилъ на берегу Волхова богатый кумиръ Перуновъ.

Но сія Владимирова набожность не препятствовала ему утопать въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; умертвивъ брата, онъ взялъ въ наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; отъ другой законной супруги, чехини или богемки, имѣлъ сына Вышеслава; отъ третьей—Святослава и Мстислава; отъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи,—Бориса и Глѣба. Сверхъ того, ежели вѣрить лѣтописи, было у него 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300—въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близъ Кіева) и 200—въ селѣ Берестовѣ. Всякая прелестная жена и дѣвица страшилась его любострастнаго взора: онъ презиралъ святость брачныхъ союзовъ и невинности. Однимъ словомъ, лѣтописецъ называетъ его вторымъ Соломономъ въ женолюбіи.

Владимиръ, вмѣстѣ со многими героями древнихъ и новыхъ временъ, любя женъ, любилъ и войну. Польскіе славяне, ляхи, накучивъ бурною вольностію, подобно славянамъ російскимъ, еще ранѣе ихъ пребѣгнули къ единовластію. Мечиславъ, государь знаменитый въ исторіи введеніемъ христіанства въ землѣ своей, правилъ тогда народомъ польскимъ; Владимиръ объявилъ ему войну,

съ кнѣженіемъ, кажется, возвратить то, что было еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, но послѣ, можетъ-быть при слабости Ярополкѣ, отошло къ государству Польскому. Онъ взялъ городъ Червень (близъ Хелма), Перемышль и другіе, которые, съ сего времени будучи собственностію Россіи, назывались Червенскими. Въ слѣдующіе два года храбрый князь смирилъ бунтъ ятвяговъ, дикаго, но мужественнаго народа латышскаго, обитавшаго въ лѣсахъ между Литвою и Польшею. Далѣе къ сѣверо-западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Балтійскаго моря, ибо Ливонія, по свидѣтельству Стурмезона, лѣтописца ноландскаго, принадлежала Владимиру, коего чиновники ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей между Курляндіею и Финскимъ заливомъ.

Увѣнчанный побѣдою и славою, Владимиръ хотѣлъ принести благодарность идоламъ и кровію человѣческою обагрить алтари. Исполняя совѣтъ бояръ и старцевъ, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ, — и жребій палъ на юнаго варяга, прекраснаго лицомъ и душою, коего отецъ былъ христіаниномъ. Посланные отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовью къ сыну и ненавистію къ такому ужасному суевѣрію, онъ началъ говорить имъ о заблужденіи язычниковъ, о безуміи кланяться тѣльному дереву, вмѣсто живого Бога, истиннаго Творца неба, земли и человѣка. Кіевляне терпѣли христіанство; но торжественное хуленіе вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городѣ. Народъ вооружился, разметалъ дворъ варяжскаго христіанина и требовалъ жертвы. Отецъ, держу сына за руку, съ твердостію сказалъ: „Ежели идола ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій“. Народъ, въ изступле-

нихъ ярости, умертвилъ отца и сына, которые были, такимъ образомъ, первыми и послѣдними мучениками христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша чтитъ ихъ святыми подъ именемъ Феодора и Іоанна.

Владимиръ скоро имѣлъ случай новыми побѣдами доказать свое мужество и счастье. Радимичи, опокійные данники великихъ князей со временъ Олеговыхъ, издумали объявить себя независимыми: онъ спѣшилъ наказать ихъ. Храбрый воевода его, прозваніемъ „Волчій Хвостъ“, начальникъ передовой дружины княжеской, встрѣтился съ ними на берегахъ рѣки Пищаны и на голову побилъ мятежниковъ; они смирились, и съ того времени (пишетъ Несторъ) вошло на Руси въ пословицу: „радимичи волчья хвоста бѣгаютъ“.

На берегахъ Волги и Камы издревле обитали болгары или, можетъ-быть, переселились туда съ береговъ Дона въ VII вѣкѣ, не хотѣвъ повиноваться хану козарскому. Въ теченіе времени они сдѣлались народомъ гражданскимъ и торговымъ; имѣли сообщеніе, посредствомъ судоходныхъ рѣкъ, съ сѣверомъ Россіи, а чрезъ море Каспійское—съ Персією и другими богатыми азіатскими странами. Владимиръ, желая завладѣть Камскою Болгарією, отправился на судахъ внизъ по Волгѣ вмѣстѣ съ новгородцами и знаменитымъ Добрынею; берегомъ шли конные торки, союзники или наемники росіянъ. Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ народѣ, единоплеменномъ съ туркоманами и печенѣгами; онъ кочевалъ въ степяхъ на юго-восточныхъ границахъ Россіи, тамъ же гдѣ скитались орды печенѣжскія. Великій князь побѣдилъ болгаровъ; но мудрый Добрыня, по извѣстію лѣтописца, осмотрѣвъ плѣнниковъ и видя ихъ въ сапогахъ, сказалъ Владимиру: „Они не захотятъ быть нашими данниками: пойдемъ лучше искать лапотниковъ!“ Добрыня мыслилъ, что люди избыточные имѣютъ болѣе

причинъ и средствъ обороняться. Владимиръ, уваживъ его мнѣніе, заключилъ миръ съ болгарами, которые торжественно общались жить дружелюбно съ россиянами, утвердивъ клятву сими простыми словами: „Развѣ тогда нарушимъ договоръ свой, когда камень станетъ плавать, а хмель тонуть на водѣ“. Ежели не съ данію, то, по крайней мѣрѣ, съ честію и съ дарами великій князь возвратился въ столицу.

Къ сему времени надлежитъ, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный въ продолженіи Несторовой лѣтописи. Рогнѣда, названная по ея горестямъ „Гориславою“, простила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла простить измѣны въ любви, ибо великій князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владимиръ, посѣтивъ ея жилище, уединенное на берегу Лыбеди, — близъ Кіева, гдѣ въ Несторово время было село Предславино, — заснулъ тамъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножомъ умертвить его. Князь проснулся и отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерть ближнихъ своихъ и проливая слезы, отчаянная Рогнѣда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ея ни бѣднаго младенца Изяслава. Владимиръ рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатомъ ложѣ въ свѣтлой хранилѣ, ждать смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вступили въ сію хранилу... Тогда юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, подаль ему мечъ обнаженный и сказалъ: „Ты не одинъ, о родитель мой! сынъ будетъ свидѣтелемъ“. Владимиръ, бросивъ мечъ на землю, отвѣтствовалъ: „Кто зналъ, что ты здѣсь!“ удалился, собралъ бояръ и требовалъ ихъ совѣта. „Государь! — сказали они, — прости виновную для сего младенца и дай имъ въ удѣлъ бывшую область отца ея“,

Владимиръ согласился: построить новый городъ въ нынѣшней Витебской губерніи и, назвавъ его „Изяславлемъ“, отправилъ туда мать и сына.

Теперь приступаемъ къ описанію важнѣйшаго дѣла Владимірова, которое всего болѣе прославилло его въ исторіи... Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало-по-малу укоренялось христіанство, наконецъ, вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгрією, Польшею, Швецією, Норвегією и Данією. Самое раздѣленіе церквей, восточной и западной, имѣло полезное слѣдствіе для истинной вѣры, ибо главы ихъ старались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обращенію язычниковъ.

Древній лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что не только христіанскіе проповѣдники, но и магометане вмѣстѣ съ іудеями, обитавшими въ землѣ Козарской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ склонять Владимира къ принятію вѣры своей и что великій князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азій, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владимиръ могъ также, увидѣвъ, наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычества, искать истины въ разныхъ вѣрахъ.

Первые послы были отъ волжскихъ или камскихъ болгаръ. На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала вѣра магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ аравитанъ: болгары приняли оную и хотѣли сообщить Владимиру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ гурій плѣнило воображеніе сластолюбиваго князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить

вино—установъ безразсуднымъ. „Вино,—сказалъ онъ,—
 есть веселіе для русскихъ; не можемъ быть безъ него“. Послы нѣмецкихъ католиковъ говорили ему о величій
 невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь
 отвѣтствовалъ имъ: „идите обратнo: отцы наши не при-
 нимали вѣры отъ папъ“. Выслушавъ іудеевъ, онъ спро-
 силъ, гдѣ ихъ отечество? „Въ Іерусалимѣ,—отвѣтство-
 вали проповѣдники,—но Богъ во гнѣвъ своемъ расточилъ
 насъ по землямъ чуждымъ“.—„И вы, наказываемые Бо-
 гомъ, дерзаете учить другихъ?—сказалъ Владимиръ:—
 мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отече-
 ства“. Наконецъ, безыменнѣй философъ, присланный гре-
 ками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія вѣры,
 рассказалъ Владимиру все содержаніе Библии, Вѣтхаго и
 Новаго Завета; исторію творенія, рая, грѣха первыхъ
 людей, потопа, народа избраннаго, искупленія христіан-
 ства, семи соборовъ и, въ заключеніе, показалъ ему кар-
 тину Страшнаго суда, съ изображеніемъ праведныхъ,
 идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную
 муку. Пораженный снѣмъ зрѣлищемъ, Владимиръ вздох-
 нулъ и сказалъ: „Благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!“
 „Крестися,—отвѣтствовалъ философъ,—и будешь въ раю
 съ первыми“.

Лѣтописецъ нашъ угадывалъ, какимъ образомъ про-
 повѣдники вѣры должны были говорить съ Владими-
 ромъ; но ежели греческій философъ, дѣйствительно, имѣлъ
 право на сіе ния, то ему не трудно было увѣрить языч-
 ника разумнаго въ великомъ превосходствѣ закона хри-
 стіанскаго. Вѣра славянъ ужасала воображеніе могуще-
 ствомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ,
 которые играли жребіемъ людей и нерѣдко увеселились
 ихъ кровію. Хотя славяне признавали также и бытіе еди-
 наго существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго
 въ разсужденіи судьбы міра, подобно божеству Эпику-

рову и Лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: одно земное было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новости, но не могла удовлетворять сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того, христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго Отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ и награждающаго добрыхъ, здѣсь—и миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тѣмъ временной смерти,—блаженствомъ вѣчной жизни, удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

Владимиръ, отпустивъ философа съ дарами и съ великою честію, собралъ бояръ и градскихъ старцевъ; объявилъ имъ предложеніе магометанъ, іудеевъ, католиковъ, грековъ и требовалъ ихъ совѣта. „Государь!—сказали бояре и старцы:—всякій человѣкъ хвалить вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли, испытать, который народъ достойнѣе поклоняется Божеству“—и великій князь отправилъ десять благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ болгаровъ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ вѣмечскихъ католиковъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, безъ всякаго величія и красоты; наконецъ, прибыли въ Константинополь. „Да совершаютъ они славу Бога нашего!“ сказалъ императоръ и, зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинными отвлеченными, приказалъ вести пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ патріархъ, облаченный въ святительскія ризы, совершалъ литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства греческаго, богатая одежда

служебныя, убранство алтарей, красота живописи, благоуханіе еиміама, сладостное пѣніе клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили россиянь; имъ казалось, что Самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется... Возвратись въ Кіевъ, послы говорили князю съ презрѣніемъ о богослуженіи магометанъ, съ неуваженіемъ—о католическомъ и съ восторгомъ—о византійскомъ, заключивъ словами: „Всякій человекъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ вѣру грековъ, не хотимъ иной“. Владимиръ желалъ еще слышать мнѣніе бояръ и старцевъ. „Когда бы законъ греческій,—сказали они,—не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его“. Великій князь рѣшился быть христіаниномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владимира и потому достоверный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сегого россійскаго несольства въ страну католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія закона христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной греческой древней рукописи, хранимой въ парижской библіотекѣ: несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени *Василия*, тогдашняго царя византійскаго, названнаго въ ней *Македонскимъ*, вмѣсто *Багрянороднаго*.

Владимиръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и священники христіанскіе; но князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни цари греческіе и патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, въ разсужденіи грековъ, искреннимъ

признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смирен-
но просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, за-
всёвать веру христіанскую и принять ея святиню ру-
кою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, великій князь пошелъ
на судахъ къ греческому Херсону, котораго развалины
денныя видны въ Тавридѣ, близъ Севастополя. Сей
торговый городъ, построенный въ самой глубокой древ-
ности выходцами гераклейскими, сохранялъ еще въ
Хѣлкѣ бытіе и славу свою, несмотря на великія опусто-
шенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ
Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ скифовъ до
козаровъ и печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ со-
бою верховную власть императоровъ греческихъ, но
не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и
повиновался собственнымъ законамъ республиканскимъ.
Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ черноморскихъ
наслаждались изобиліемъ. Владимиръ, остановясь въ
гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ
войско и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле
привыкшіе къ вольности, херсонцы оборонялись му-
жественно. Великій князь грозилъ имъ стоять три года
подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся, но гражда-
не отвергли его предложенія, въ надеждѣ, можетъ-быть,
имѣть скорую помощь отъ грековъ; старались уничто-
жить всѣ работы осаждающихъ и, сдѣлавъ тайный под-
копъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ночью уносили въ го-
родъ ту землю, которую россияне сынали передъ стѣна-
ми, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкно-
венію военнаго искусства. Къ счастью, нашлся въ го-
родѣ доброжелатель Владимиру, именемъ Анастасъ; сей
человѣкъ пустилъ къ россиянамъ стрѣлу съ надписью:
„за вами, къ востоку, находятся колодези, дающіе воду
херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять

ее". Великій князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ херсонскихъ). Тогда граждане, изнуряемые жаждой, сдались россиянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, російскій князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ и чрезъ пословъ объявилъ императорамъ, Василю и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь. Родственный союзъ съ греческими знаменитыми царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти героя Цимисхія, была жертвою мятежей и безпорядка: военачальники Скліръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили императоровъ забыть обыкновенную надменность грековъ и презрѣніе къ язычникамъ. Василій и Константинъ, надѣясь помощію сильнаго князя російскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ вѣтемъ, что, принявъ вѣру христіанскую, онъ получитъ и руку царевны и царство небесное. Владимиръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество съ княземъ народа, по мнѣнію грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей жестокимъ плѣномъ и ненавистнѣй смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками; тамъ народъ встрѣтилъ ее, какъ свою

избавительницу, со всіми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что великій князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть, что Анна убѣдила его немедленно креститься и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда святитель возложилъ на него руку. Бояре русскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ государемъ приняли истинную вѣру (въ церкви св. Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили великій князь и невѣста его). Херсонскій митрополитъ и византійскіе пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ царевны съ Владимиромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя, ибо великій князь, какъ вѣрный союзникъ императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ имперіи.

Сего не довольно: Владимиръ отказался отъ своего завоеванія и, соорудивъ въ Херсонѣ церковь, — на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, — возвратилъ сей городъ царямъ греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ. Вмѣсто плѣнниковъ онъ вывелъ изъ Херсона однихъ іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ, въ знакъ любви своей къ художествамъ (сія, можетъ быть, изящныя произведенія древняго искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владимиръ спѣшилъ въ столицу свою озарить на-

родъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило приуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе—сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не навлекли идолъ изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за которыми онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но преливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію еувѣрія, ибо Владимиръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься,—и народъ, уже лишенный предметовъ прежняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владимиръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и, по данному знаку, безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кievскихъ христіанами, тогда Владимиръ, въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: „Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхваляю достойно святое имя Твое!“... Въ сей великій день,—говорить лѣтописецъ,—земля и небо ликовали.

Скоро знаменія вѣры христіанской, принятой госу-

даремъ, дѣтьми его, вельможами и народомъ, являясь на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь св. Василия на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призывалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для строенія храма каменнаго во имя Богоматери тамъ, гдѣ въ 983 году пострадали за вѣру благочестивый варягъ и сынъ его. Между тѣмъ, ревностные служители алтарей, священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ областяхъ государства. Многие люди крестились, разсуждая, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и граждане кіевскіе; другіе, привязанные къ закону древнему, отвергали новый, ибо язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго двѣнадцатаго вѣка. Владимиръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти; но взялъ лучшихъ, надежнѣйшихъ мѣры для истребленія языческихъ заблужденій; онъ старался просвѣтить россіянъ. Чтобы утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ переведенныхъ на славянской языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и, безъ сомнѣнія, уже давно извѣстныхъ кіевскимъ христіанамъ, великій князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Сін благотѣянія казались тогда страшною новостію, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ, какъ мертвыхъ, ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

Владимиръ имѣлъ 12 синевей, еще юныхъ отроковъ. Мы уже упоминали изъ нихъ 9: Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ родились, кажется, послѣ. Думая, что дѣти могутъ быть надежнѣйшими слугами отца, или, лучше сказать, охѣдуя несчастному обыкновенію сего времени, Владимиръ раздѣлилъ государство на области

и далъ въ удѣлѣ Вышеславу — Новгородъ, Изяславу — Полоцкъ, Ярославъ — Ростовъ, по смерти же Вышеслава — Новгородъ, а Ростовъ — Борису, Глѣбу — Муромъ, Свято-славу — Древлянскую землю, Всеволоду — Владимиръ-Во-чынскій, Мстиславу — Тмуторокань или греческую Та-матарху, завоеванную, какъ вѣроятно, мужественными дѣдомъ его, а Святополку, усыновленному племяннику, — Туровъ, который донинѣ существуетъ въ Минской гу-берніи и названъ такъ отъ имени варяга Тура, пове-лѣвавшего нѣкогда сею областію. Владимиръ отправилъ малолѣтнихъ князей въ назначенный для каждого удѣлъ, поручивъ ихъ до совершеннаго возраста, благоразум-нымъ пѣстунамъ. Онъ, безъ сомнѣнія, не думалъ раз-дробить государства и далъ сыновьямъ одни права сво-ихъ намѣстниковъ; но ему надлежало бы предвидѣть слѣдствія, необходимыя по его смерти. Удѣльный князь, повинаясь отцу, самовластному государю всей Россіи, могъ ли столь же естественно повиноваться и наслѣд-нику, то-есть брату своему? Междоусобіе дѣтей Свято-славовыхъ уже доказало противное; но Владимиръ не воспользовался симъ опытомъ; ибо самые великіе люди дѣйствуютъ согласно съ образомъ мыслей и правилами своего вѣка.

Желая удобнѣе образовать народъ и защитить южную Рос-сію отъ грабительства печенѣговъ, великій князь основалъ новыя города по рѣкамъ: Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ и населилъ ихъ новгородскими славянами, кри-вичами, чудью, витячами. Укрѣпивъ кіевскій Бѣлгородъ стѣною, онъ перевелъ туда многихъ жителей изъ дру-гихъ городовъ, ибо отменно любилъ его и часто живалъ въ ономъ.

Война съ хорватами, обитавшими (какъ думаемъ) на границахъ Седмиградской области и Галиціи, отвлекла

Владимира отъ внутреннихъ государственныхъ распоряженій. Едва окончивъ ее миромъ или побѣдою, онъ свѣдалъ о набѣгѣ печенѣговъ, которые пришли изъ-за Сулы и разорали область Кіевскую. Великій князь встрѣтился съ ними на берегу Трубежа; при чемъ лѣтописецъ рассказываетъ слѣдующую повѣсть.

„Войско печенѣговъ стояло за рѣкою; князь ихъ вызвалъ Владимира на берегъ и предложилъ ему рѣшить дѣло поединкомъ между двумя съ обѣихъ сторонъ избранными богатырями. „Если русскій убьетъ печенѣга,—сказалъ онъ,—то обязываемся три года не воевать съ вами; а ежели нашъ побѣдитъ, то мы вольны три года опустошать твою землю“. Владимиръ согласился и велѣлъ бирючамъ или герольдамъ въ станѣ своемъ кликнуть охотниковъ для поединка: не сыскалось ни одного, и князь россійскій былъ въ горести. Тогда приходитъ къ нему старецъ и говорить: „Я вышелъ въ поле съ четырьмя сынами, а меньшій остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня, онъ разорвалъ надвое толстую воловью кожу. Государь! вели ему бороться съ печенѣгомъ“. Владимиръ немедленно послалъ за юношей, который для опыта въ силѣ своей требовалъ быка дикаго; и когда звѣрь, раздраженный прикосновеніемъ горячаго желѣза, бѣжалъ мимо юноши, сей богатырь одною рукою вырвалъ у него изъ боку кусокъ мяса. На другой день явился печенѣгъ, великанъ страшный, и, видя своего малорослаго противника, засмѣялся. Выбрали мѣсто... Единборцы схватились. Россіянинъ крѣпкими мышцами своими дакнулъ печенѣга и мертвого ударилъ объ землю. Тогда дружина княжеская, воскликнувъ побѣду, бросилась на уstraшенное войско печенѣговъ, которое едва могло спастись бѣгствомъ. Радостный Владимиръ въ память сему случаю заложилъ на берегу Трубежа городъ

и называлъ его Переяславлемъ, ибо юноша русскій перешелъ у враговъ славу. Великій князь, наградивъ вятязя и старца, отца его, сапомъ боярскимъ, возвратился съ торжествомъ въ Кіевъ". Поединокъ можетъ быть истинною; но обстоятельство, что Владимиръ основалъ Переяславль, кажется сомнительнымъ, ибо о семъ городѣ упоминается еще въ Олеговомъ договорѣ съ греками въ 906 году.

Россія года два или три наслаждалась потомъ тишиною. Владимиръ, къ великому своему удовольствію, видѣлъ, наконецъ, совершеніе каменнаго храма въ Кіевѣ, посвященнаго Богоматери и художествомъ грековъ украшеннаго. Тамъ, исполненный вѣры святой и любви къ народу, онъ сказалъ предъ алтаремъ Всевышняго: „Господи! въ семъ храмѣ, мною сооруженномъ, да внимаешь всегда молитвамъ добрыхъ россияны!“ И, въ знакъ сердечной радости, угостилъ во дворцѣ княжескомъ бояръ и градскихъ старцевъ; не забылъ и людей бѣдныхъ, щедро удовлетворивъ ихъ нуждамъ. Владимиръ отдалъ въ новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые въ Херсонѣ; велѣлъ служить въ ней херсоноскимъ іереямъ; поручилъ ее любимцу своему Анастасу; устроилъ братъ ему десятую часть изъ собственныхъ доходовъ княжескихъ и, клятвенною грамотою обязавъ своихъ наследниковъ не преступать сего закона, положилъ оную въ храмъ. Слѣдственно, Анастасъ былъ священнаго сана и, вѣроятно, знаменитаго, когда главная церковь столицы (донынѣ именуемая Десятинною) находилась подъ его особеннымъ вѣдѣніемъ. Новѣйшіе лѣтописцы утвердительно повѣствуютъ о кіевскихъ митрополитахъ сего времени, но, именуя ихъ, противорѣчатъ другъ другу. Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о митрополитѣ до княженія Ярославова, говоря единственно о епископахъ, уважаемыхъ Владимирою, безъ сомнѣнія, грекахъ или

Владимира отъ внутреннихъ государственныхъ распоряженій. Едва окончивъ ее миромъ или побѣдою, онъ свѣдалъ о набѣгѣ печенѣговъ, которые пришли изъ-за Сулы и разорали область Кіевскую. Великій князь встрѣтился съ ними на берегу Трубежа; при чемъ лѣтописецъ рассказываетъ слѣдующую повѣсть.

„Войско печенѣговъ стояло за рѣкою; князь ихъ вызвалъ Владимира на берегъ и предложилъ ему рѣшить дѣло поединкомъ между двумя съ обѣихъ сторонъ избранными богатырями. „Если русскій убьетъ печенѣга,—сказалъ онъ,—то обязываемся три года не воевать съ вами; а ежели нашъ побѣдитъ, то мы вольны три года опустошать твою землю“. Владимиръ согласился и велѣлъ бирючамъ или герольдамъ въ станѣ своемъ кликнуть охотниковъ для поединка: не сыскалось ни одного, и князь русскій былъ въ горести. Тогда приходитъ къ нему старецъ и говоритъ: „Я вышелъ въ поле съ четырьмя сынами, а меньшій остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня, онъ разорвалъ надвое толстую воловью кожу. Государь! вели ему бороться съ печенѣгомъ“. Владимиръ немедленно послалъ за юношей, который для опыта въ силѣ своей требовалъ быка дикаго; и когда звѣрь, раздраженный прикосновеніемъ горячаго желѣза, бѣжалъ мимо юноши, сей богатырь одною рукою вырвалъ у него изъ боку кусокъ мяса. На другой день явился печенѣгъ, великанъ страшный, и, видя своего малорослаго противника, засмѣялся. Выбрали мѣсто... Единоборцы схватились. Россіянинъ крѣпкими мышцами своими давнулъ печенѣга и мертвого ударилъ объ землю. Тогда дружина княжеская, воскликнувъ побѣду, бросилась на уstraшенное войско печенѣговъ, которое едва могло спастись бѣгствомъ. Радостный Владимиръ въ память сему случаю заложилъ на берегу Трубежа городъ

и золотомъ не добудешь вѣрной дружины; а съ нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и дѣду“. Владимиръ, по словамъ лѣтописи, отменно любилъ свою дружину и совѣтовался съ ними—людьми, не только храбрыми, но и разумными, какъ о воинскихъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ.

Будучи другомъ усердныхъ бояръ и чиновниковъ, онъ былъ истиннымъ отцомъ бѣдныхъ, которые всегда могли приходять на дворъ княжескій утолять тамъ голодъ свой и брать изъ казны деньги. Сего мало: „больные,—говорилъ Владимиръ, не въ силахъ дойти до палатъ моихъ“—и велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ. „Гдѣ нищіе, недужные?“ спрашивали люди княжескіе и надѣляли ихъ всѣмъ потребнымъ. Сію добродѣтель Владимирову приписываетъ Несторъ дѣйствію христіанскаго ученія. Слова Евангельскія: „блажени милостиви, яко тѣи помилованы будутъ,“ и Соломоновы: „дая нищему, Богу въ заимъ дасте,“ вселили въ душу великаго князя рѣдкую любовь къ благотворенію и вообще такое милосердіе, которое выходило даже изъ предѣловъ государственной пользы. Онъ щадилъ жизнь самыхъ убійцъ и наказывалъ ихъ только вирою, или денежною пенею; число преступниковъ умножалось, и дерзость ихъ ужасала добрыхъ, спокойныхъ гражданъ. Наконецъ, духовные пастыри церкви вывели набожнаго князя изъ заблужденія. „Для чего не караешь злодѣйства?“ спросили они.—Боюсь гнѣва Небеснаго,—отвѣтствовалъ Владимиръ. „Нѣтъ,—сказали епископы:—ты поставленъ Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ—на милованіе. Должно карать преступника, но только съ разсмотрѣніемъ“. Великій князь, принявъ ихъ совѣтъ, отменилъ виру и снова ввелъ смертную казнь, бывшую при Игорѣ и Святославѣ.

Симъ благоразумнымъ совѣтникамъ надлежало еще

пробудить въ немъ для государственнаго блага и прежній духъ воинскій, усыпленный тѣмъ же челоуѣколюбіемъ. Владимиръ уже не искалъ славы героевъ и жить въ мирѣ съ сосѣдственными государями польскимъ, венгерскимъ и богемскимъ; но хищные печенѣги употребляя въ свою пользу миролюбіе его, безпрестанно опустошали Россію. Мудрые епископы и старцы доказали великому князю, что государь долженъ быть ужасомъ не только преступниковъ государственныхъ, но и внѣшнихъ враговъ—и гласъ воинскихъ трубъ снова раздался въ нашемъ древнемъ отечествѣ.

Владимиръ, желая собрать войнство многочисленное для отраженія печенѣговъ, самъ отправился въ Новгородъ; но сіи неутомимые враги, узнавъ его отсутствіе, приблизились къ столицѣ, окружили Бѣлгородъ и пресѣкли сообщеніе жителей съ мѣстами окрестными. Черезъ нѣсколько времени сдѣлался тамъ голодъ, и народъ, собравшись на вѣче или совѣтъ, изъявилъ желаніе сдаться непріятелямъ. „Князь далеко, — говорилъ онъ: — печенѣги могутъ умертвить только нѣкоторыхъ изъ насъ, а отъ голода мы всѣ погибнемъ.“ Но хитрость умнаго старца, впрочемъ, не совсѣмъ вѣроятная, спасла гражданъ. Онъ велѣлъ ископать два колодезя, поставить въ нихъ одну кадъ съ сытою, другую—съ тѣстомъ и звать старшинъ непріятельскихъ будто бы для переговоровъ. Видя сіи колодези, они повѣрили, что земля сама собою производитъ тамъ вкусную для людей пищу, и возвратились къ своимъ князьямъ съ вѣстію, что городъ не можетъ имѣть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ! Печенѣги сняли осаду.

Вѣроятно, что Владимиръ счастливымъ оружіемъ унялъ, наконецъ, сихъ варваровъ: по крайней мѣрѣ лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе о ихъ нападеніяхъ на Россію до самаго 1015 года. Но здѣсь преданія оставляютъ, ка-

жеться, Нестора, и въ теченіе семнадцати лѣтъ онъ скъзываетъ намъ только, что въ 1000 году умерли Мальфрида,—одна изъ бывшихъ Владимировыхъ женъ, какъ надобно думать,—и знаменитая несчастная Рогнеда, въ 1001 г.—Изяславъ, а въ 1003—младенецъ Всеславъ, сынъ Изяславовъ, что въ 1007 году привезли иконы въ кievскій храмъ Богоматери изъ Херсона или изъ Греціи, а въ 1011 скончалась Анна, супруга Владимирова, достопамятная для потомства, ибо она была орудіемъ небесной благодати, извлекшей Россію изъ тьмы идолопоклонства.

Въ сіи годы, скудные происшествіями по Несторовой лѣтописи, Владимиръ могъ имѣть ту войну съ норвежскимъ принцемъ Эрикомъ, о коей повѣствуетъ исландскій лѣтописецъ Стурлезонъ. Гонимый судьбою, малолѣтній принцъ норвежскій Олофъ, племянникъ Сигурда, одного изъ вельможъ Владимировыхъ, съ матерію, вдовствующею королевою Астридою, нашелъ убѣжище въ Россіи; учился при дворѣ, осыпавъ милостями великой княгини, и ревностно служилъ государю; но оклеветанный завистливыми боярами долженъ былъ оставить его службу. Черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ-быть съ помощію Россіи, онъ сдѣлался королемъ норвежскимъ, отнявъ престолъ у Эрика, который бѣжалъ въ Швецію, собравъ войско, напалъ на сѣверо-западные Владимировы области, осадилъ и взялъ приступомъ городъ русскій Альдейгабургъ, или, какъ вѣроятно, нынѣшнюю Старую Ладогу, гдѣ обыкновенно приставали мореплаватели скандинавскіе и гдѣ, по народному преданію, Рюрикъ имѣлъ дворецъ свой. Храбрый норвежскій принцъ четыре года воевалъ съ Владимиромъ; наконецъ, уступивъ превосходству силъ его, вышелъ изъ Россіи.

Судьба не пощадила Владимира въ старости: претъ концомъ своимъ ему надлежало увидѣть съ горестію,

что властолюбіе вооружаетъ не только брата противъ брата, но и сына противъ отца.

Намѣстники новгородскіе ежегодно платили двѣ тысячи гривенъ великому князю и тысячу раздавали грид-
нямъ или тѣлохранителямъ княжескимъ. Ярославъ, то-
гдашній правитель Новгорода, дерзнулъ объявить себя
независимымъ и не хотѣлъ платить дани. Раздраженный
Владимиръ велѣлъ готовиться войску къ походу въ Нов-
городъ, чтобы наказать ослушника; а сынъ, ослѣпленный
властолюбіемъ, призвалъ изъ-за моря варяговъ на по-
мощь, думая, вопреки законамъ божественнымъ и чело-
вѣческимъ, поднять мечъ на отца и государя. Небо,
отвративъ сію войну богопротивную, спасло Ярослава
отъ злодѣянія рѣдкаго. Владимиръ, можетъ-быть отъ
горести, занемогъ тяжкою болѣзнію, и въ то же самое
время печенѣги ворвались въ Россію; надлежало отра-
зить ихъ; не имѣя силъ предводительствовать войскомъ,
онъ поручилъ его любимому сыну Борису, князю ро-
стовскому, бывшему тогда въ Кіевѣ, и чрезъ нѣсколько
дней скончался въ Берестовѣ, загородномъ дворцѣ, не
избравъ наслѣдника и оставивъ кормило государства на
волю рока...

Святополкъ, усыновленный племянникъ Владимировъ,
находился въ столицѣ; боясь его властолюбія, придвор-
ные хотѣли утѣнить кончину великаго князя, вѣроятно
для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвра-
титься въ Кіевъ; ночью выломали полъ въ сѣняхъ; за-
вернули тѣло въ коверъ, спустили внизъ по веревкамъ
и отвезли въ храмъ Богоматери. Но скоро печальная
вѣсть разгласилась въ городѣ: вельможи, народъ, воины
бросились въ церковь, увидѣли трупъ государя и стена-
ніемъ изъявили свое отчаяніе. Бѣдные оплакивали благо-
творителя, бояре—отца отечества... Тѣло Владимирово
заключили въ мраморную раку и поставили оную тор-

жественно, рядомъ съ гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, имъ сооруженнаго.

Сей князь, названный церковью Равноапостольнымъ, заслужилъ и въ исторіи имя Великаго. Истинное ли увѣреніе въ святыню христіанства, или, какъ повѣствуетъ знаменитый арабскій историкъ XIII вѣка, одно честолюбіе и желаніе быть въ родственномъ союзѣ съ государями византійскими рѣшило его креститься,—извѣстно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владимиръ, принявъ вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и сталъ инымъ человекомъ. Бывъ въ язычествѣ мстителемъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ, воинномъ кровожаднымъ и—что всего ужаснѣе—братоубійцею, Владимиръ, наставленный въ человеколюбивыхъ правилахъ христіанства, боялся уже проливать кровь самыхъ злодѣевъ и враговъ отечества. Главное право его на вѣчную славу и благодарность потомства состоитъ, конечно, въ томъ, что онъ поставилъ Россіянъ на путь истинной вѣры; но имя Великаго принадлежитъ ему и за дѣла государственныя. Сей князь, похитивъ единовластіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выславъ мятежныхъ варяговъ изъ Россіи, употребилъ лучшихъ изъ нихъ въ ея пользу; смирилъ бунты своихъ данниковъ, отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдовъ, побѣдилъ сильнаго Мечислава и славный храбростію народъ ятвяжскій; расширилъ предѣлы государства на западъ; мужествомъ дружины своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ восточныхъ императоровъ; старался просвѣтить Россію; населилъ пустыни, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми боярами о полезныхъ уставахъ земскихъ; завелъ училища и призывалъ изъ Греціи не только іереевъ, но и художниковъ; наконецъ, былъ нѣжнымъ отцомъ народа бѣднаго. Горестію послѣднихъ минутъ своихъ онъ заплатилъ за важную ошибку

въ политикѣ, за назначеніе особенныхъ удѣловъ для сыновей.

Слава его правленія раздалась въ трехъ частяхъ міра: древнія скандинавскія, нѣмецкія, византійскія, арабскія лѣтописи говорятъ о немъ. Кромѣ преданій Церкви и нашего перваго лѣтописца о дѣлахъ Владимировыхъ, память сего великаго князя хранилась и въ сказкахъ народныхъ о великолѣпнѣ пировъ его, о могучихъ богатыряхъ его времени: о Добрынѣ новгородскомъ, Александрѣ съ золотомъ гривною, Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Радаѣ (который будто бы одинъ ходилъ на 300 воиновъ), Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ печенѣговъ, и прочихъ, о коихъ упоминается въ новѣйшихъ, отчасти баснословныхъ лѣтописяхъ. Сказки—не исторія; но сіе сходство въ народныхъ понятіяхъ о временахъ Карла Великаго и князя Владимира достойно замѣчанія: тотъ и другой, заслуживъ безсмертіе въ лѣтописяхъ своими побѣдами, усердіемъ къ христіанству, любовію къ наукамъ, живутъ донинѣ и въ сказкахъ богатырскихъ.

Владимиръ, несмотря на слабое отъ природы здоровье, дожилъ до старости, ибо въ 970 году уже господствовалъ въ Новѣгородѣ, подъ руководствомъ дяди, боярина Добрыни.

К о н е ц ѣ.